

© 2013 г. АННА А. ЗАЛИЗНЯК

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК ОБЪЕКТ ТИПОЛОГИИ*

В статье подводятся некоторые итоги работы над «Каталогом семантических переходов в языках мира» и определяется место его концепции по отношению к синхронной лексической семантике и диахронически ориентированной семантической типологии, из которых она вышла, и к современной лексической типологии, в которую она вошла. Делаются некоторые уточнения, касающиеся базовых понятий данной концепции – семантического перехода и типов его реализации.

Ключевые слова: семантический переход, семантическая деривация, семантическая эволюция, семантическая типология, лексическая типология, семантическая параллель, лексическая семантика, полисемия, грамматикализация

The article summarizes some results of the work on the «Catalogue of semantic shifts in the languages of the world» and determines its relationship to synchronic lexical semantics and diachronically oriented semantic typology, from which it originates, as well as to the modern lexical typology which it actually entered. Some specifications are proposed concerning the concepts of semantic shift and types of realization of semantic shift.

Keywords: semantic shift, semantic derivation, semantic change, semantic typology, lexical typology, semantic parallel, lexical semantics, polysemy, grammaticalization

За полтора десятилетия, прошедшие с момента возникновения замысла Каталога семантических переходов¹, в той сфере лингвистики, которой он принадлежит, произошли весьма существенные изменения: не только появился целый ряд научных проектов, весьма близких по своим задачам и методологии², но и более того, область исследова-

* Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 10-04-00156а, и РФФИ, грант № 12-06-33038.

¹ Концепция Каталога семантических переходов разрабатывалась с середины 1990-х гг., с 1998 – в рамках проекта по типологии семантической деривации, поддержанного РФФИ. С 2002 г. работа над реализацией Каталога семантических переходов в форме компьютерной базы данных осуществляется силами рабочей группы Института языкознания РАН (М.С. Булах, Д.С. Ганенков, И.А. Грунтов, Анна А. Зализняк, Т.А. Майсак, М.М. Руссо; до 2005 г. в работе над Каталогом принимала участие также Е.С. Грунтова) при поддержке фондов РФФИ, ИНТАС, РГНФ; разработка формата базы данных принадлежит Д.С. Ганенкову. О концепции Каталога семантических переходов и структуре Базы данных по семантическим переходам в языках мира см. [Зализняк 2001; 2006: 392–402; 2009; Грунтов 2007; Zalizniak 2008; Zalizniak et al. 2012].

² Назову прежде всего проекты под руководством П. Коха – DECOLAR (Dictionnaire étymologique et cognitive des langues romanes: <http://www.decolar.uni-tuebingen.de/>) и LexiTypDia («Lexical change – polygenesis – cognitive constants: The human body»), см. [Blank, Koch 2000; Blank et al. 2000; Gévaudan et al. 2003; Gévaudan, Wiebel 2004; Gévaudan 2007]; проект по типологии «семантических сближений» («Typology of semantic associations») под руководством М. Ванхов см. [Vanhove 2008]; исследования по русско-французским этимологическим параллелям С. Сахно [Sakhno 1998; 1999; 2001; Hénault-Sakhno, Sakhno 2005]; проекты по лексической типологии под руководством Е.В. Рахилиной [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Бонч-Осмоловская и др. 2009; Рахилина и др. 2009; 2010а; 2010б], проект по типологии температурных терминов под руководством М. Копчевской-Тамм (http://temperature.ling.su.se/index.php/Main_Page), см. также [Копчевская, Рахилина 1999; Tamm, Rakhilina 2006].

ний, обозначающая себя как лексическая типология, из маргинального раздела типологии превратилась в ведущее направление не только типологии, но и вообще лингвистики, оказавшись точкой приложения ее новейших идей и методов³.

В данной статье я хочу подвести некоторые итоги работы над Каталогом семантических переходов и определить место его концепции по отношению к синхронной лексической семантике и диахронически ориентированной семантической типологии, из которых она вышла, и к современной лексической типологии, в которую она вошла. В частности, я сделаю некоторые уточнения, касающиеся центрального для данной концепции понятия семантического перехода как объекта семантической типологии (введенного в [Зализняк 2001]).

1. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИСЕМИИ

Понятие семантического перехода в настоящий момент оказалось, по-видимому, одним из центральных для лингвистической семантики. Это обусловлено, с одной стороны, успехами диахронической когнитивной семантики, моделирующей процессы семантической эволюции, в том числе, в области теории грамматикализации, см. [Sweetser 1990; Bybee et al. 1994; Плунгян 1998; 2011; Blank 2000; Haser 2003; Heine, Kuteva 2002; Traugott, Dasher 2002; Koch 2004; Майсак 2005] и др. С другой стороны, как семантические переходы естественно концептуализуются устойчивые соотношения между значениями и классами значений, выявляемые в исследованиях в области систематизации описания лексической многозначности [Апресян 1995; 2009; Кустова, Падучева 1994; Кустова 2004; Падучева 2004; Розина 2005] и др. Понятие семантического перехода традиционно используется в этимологии, компаративистике и исторической лингвистике [Бенвенист 1954/74; Трубачев 1976; 1988] и др.; например, авторы статьи [Зализняк и др. 2005] пользуются понятием «сходного семантического перехода» при установлении значения слов в древних текстах (ср. ниже о понятии «семантической параллели»). Семантический переход используется также в качестве инструмента описания языковой картины мира (см. [Толстая 2002; 2008; Аркадьев 2002; Руссо 2012; Зализняк 2013]). Новый импульс разработке понятия семантического перехода придала концепция «грамматики конструкций», позволившая интегрировать различные факторы, определяющие функционирование данного феномена; как справедливо отмечается исследователями, семантический переход – это, прежде всего, смена конструкции⁴.

В рамках нашей модели под «семантическим переходом» понимается наличие некой концептуальной смежности⁵ между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах «одного слова в широком смысле» (см. ниже). А именно, семантический переход обнаруживает себя в форме реализаций следующих типов, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений (среди которых базовым – как в методологическом, так и в количественном отношении – является «синхронная полисемия»).

1. Синхронная полисемия: А и В – значения одного слова, например, *голова* ‘голова (часть тела)’ и ‘единица счета сельскохозяйственных животных’, англ. *to call* ‘звать <кого-то>’ и ‘звонить <кому-то> по телефону’.

2. Диахроническая семантическая эволюция некоторого слова (в его соответствующем фонетическом облике) от языка-предка к языку-потомку или в преде-

³ Я имею в виду идеи и методы когнитивной лингвистики (в частности, грамматики конструкций), принципиально новые возможности, предоставляемые корпусными методами, а также идею единства синхронии и диахронии с одной стороны, и лексики и грамматики – с другой.

⁴ См. в частности [Майсак 2005: 90–93; Рахилина (ред.) 2010; Bybee 2010].

⁵ Имеется в виду смежность соответствующих концептов в ментальном пространстве, ср. список «когнитивно-ассоциативных связей» в [Koch 2004]; ср. также термины «conceptual contiguity», «cognitive contiguity», «proximity in cognitive space».

лах одного языка; например, лат. *caput*: 'голова' → франц. *chef* 'начальник'; др.-русск. *красьныи*: 'красивый' → русск. *красный* 'красный'; русск. *ревность*: 'рвение, усердие'⁶ → 'ревность'.

3. Морфологическая деривация⁷: значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А, например, нем. *rufen* 'звать <кого-то>' и *anrufen* 'звонить <кому-то> по телефону', русск. *уста* 'рот' – *устье* 'устье (реки)', лат. *capitulum* 'глава (книги)' от *caput* 'голова', исп. *ventana* 'окно' от *viento* 'ветер', исп. *celos* 'ревность' от *celo* 'рвение, усердие' и т.п. Или же наоборот, значение А представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение В, например, пара слов *жена* – *женщина* демонстрирует семантический переход 'женщина' → 'жена'; пара *красный* – *прекрасный* является свидетельством перехода 'красивый' → 'красный'.

4. Когнаты: значения А и В принадлежат двум (близко) родственным языкам и восходят к одному слову их общего языка-предка; например, пара слов русск. *место* 'место' и польск. *miasto* 'город' реализуют семантический переход 'место' → 'город'.

5. Заимствование: значение В принадлежит заимствованному слову, А является значением того же слова в языке-источнике⁸. Например, русск. *оригинальный* 'особенный' происходит от нем. *original* [Крысин 1998: 493], имевшего, в соответствии со значением латинского оригинала, значение 'подлинный, аутентичный' (семантический переход: 'подлинный' → 'особенный'); русск. *сортир* происходит от франц. глагола *sortir* 'выходить' (демонстрируя семантический переход: 'выходить' → 'WC', ср. тот же переход в выражении *отхожее место*).

Границы между типами реализаций являются условными – в том смысле, что из множества языковых фактов, свидетельствующих об осуществлении некоторого семантического перехода, в качестве демонстрирующей его «реализации» могут быть выбраны те или иные из них. Так, например, семантический переход 'год' → 'лето' может быть проиллюстрирован семантической эволюцией русского слова *лето*, а также синхронной полисемией слова *лѣто* в древнерусском языке (см. [Срезневский 1989, II: 78]) или же полисемией слова *лето* в современном русском языке (так как значение 'год' у этого слова сохраняется в счетной форме). Семантический переход 'рвение, усердие' → 'ревность' может быть подтвержден не только реализацией типа «семантическая эволюция» существительного *ревность* (ср. пример выше), но также и реализацией типа «морфологическая деривация», поскольку прилагательное *ревностный* или существительное *ревнитель* сохраняют исходное значение основы. Реализация типа «когнаты» может оказаться равнозначной «семантической эволюции» в пределах одного из этих двух языков или «полисемии» в языке-предке (так, например, реализация типа «когнаты», представленная парой слов франц. *espérer* 'надеяться' и исп. *esperar* 'ждать', равнозначна реализации типа «полисемия» латинского глагола *spero*, имевшего оба значения). В случае полисемии, засвидетельствованной в языке-предке, именно этот тип реализации и выбирается; однако часто единственным надежным свидетельством семантического перехода оказывается пара слов-когнатов в современных языках.

Частным случаем семантического перехода является грамматикализация – такой переход, «целью» которого оказывается «более грамматическое» значение (т.е. входящее в «универсальный грамматический набор», ср. [Плунгян 1998; 2000; 2011: 89; Майсак 2005: 37]). Так, например, значение 'назад' у англ. *back* более грамматическое, чем исходное значение 'спина'; для русского глагола *собираться* значение 'иметь намерение нечто сделать' более грамматическое (ср. понятие «интенционального проспектива» в [Плунгян 2011: 387]), чем значение 'складывать вещи в дорогу', однако оно представляет не меньший интерес для лексической семантики. Семантический

⁶ Ср.: *Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровье, благодарил за ревность к учению* (Пушкин. Арап Петра Великого).

⁷ Данный тип реализаций требует особых комментариев, которые будут сделаны в разделе 3.

⁸ Об этом типе реализации см. подробнее [Zalizniak et al. 2012: 635].

переход, содержанием которого является грамматикализация, может обнаруживать себя в форме реализаций разных типов: полисемия (например, франц. *aller* – глагол ‘идти’ и вспомогательный глагол, образующий форму *Futur immédiat*), семантическая эволюция (например, франц. *avoir* ‘иметь’ происходит из лат. *habere* ‘держат’); когнаты (например, франц. *tenir* ‘держат’ и португ. вспомогательный глагол *ter*); морфологическая деривация, частным случаем которой является изменение морфосинтаксической характеристики слова (например, франц. предлог *en attendant* ‘(до тех пор) пока’ образован от глагола *attendre* ‘ждать’, предлог *de crainte de* ‘чтобы не’ – от глагола *craindre* ‘бояться’, русская частица *-либо*, входящая в состав одного класса неопределенных местоимений, восходит к прилагательному *любой*, союз *хотя* – к форме причастия глагола *хотеть* и т.п.).

Итак, реализацией семантического перехода может быть либо одно слово, имеющее оба значения, либо пара родственных, в том или ином смысле, слов (= «одно слово в широком смысле»), одно из которых имеет значение А, а другое – значение В. Тем самым семантический переход – это, по существу, расширение понятия *полисемии* – за счет расширения понятия «одного и того же слова», а именно, включения сюда диахронической семантической эволюции, диалектного варьирования и морфологической деривации⁹. Заметим, что аналогичное расширение области носителей сопоставляемых значений является общепринятым в этимологии; ср. также сходный подход при определении понятия полисемии в [Аркадьев 2002; Толстая 2008: 20], понятия энантиосемии в [Шмелев 2009].

Термин «семантический переход» («*semantic shift*») пришел из исторической лингвистики, где он понимается диахронически, т.е. как свидетельство семантической эволюции¹⁰. Однако, как известно, семантическая эволюция и синхронная полисемия – это две стороны одного и того же явления. Более того, семантическая эволюция обычно происходит таким образом, что у некоторого слова, имеющего значение А, появляется контекстно обусловленное значение В, затем значение А исчезает, а В освобождается от контекстной зависимости; ретроспективно эта ситуация может быть обозначена как «переход» значения А в значение В; ср. [Traugott, Dasher 2002: 11; Evans, Wilkins 2000: 549]. Именно этим обстоятельством обусловлена частичная эквивалентность различных типов реализаций семантического перехода, о которой шла речь выше.

Следует особо оговорить соотношение понятий «семантический переход» и «семантическая деривация». Термин «семантическая деривация» возник как антитеза обычной, т.е. морфологической, деривации: речь идет об изменении значения при сохранении формы (в том же смысле употребляется термин «регулярная многозначность» в [Апресян 1974]). При этом под семантической деривацией в литературе обычно понимается регулярное соотношение, которое может быть описано при помощи некоторого правила, применимого ко всем словам определенного класса и моделирующего процесс порождения некоторого производного значения, см. [Апресян 1974: 187–189; Падучева 2004: 147–154; Кустова 2004; Розина 2005]¹¹. Для понятия семантического перехода в

⁹ Однако словарная статья (вход) Каталога содержит два поля – для лексемы, имеющей значение А, и для лексемы, имеющей значение В (в случае полисемии это одна и та же лексема). Такой способ представления технически удобнее, так как позволяет отразить реальные различия фонетики и морфологии двух репрезентантов «одного слова в широком смысле».

¹⁰ Термин «*semantic change*» имеет исключительно диахроническое понимание; термин «*semantic extension*» может употребляться в том числе и для обозначения синхронных отношений семантической деривации; однако по крайней мере русское слово «расширение» представляется не слишком удачным, так как семантический переход часто приводит, наоборот, к сужению (хотя и в другом смысле) исходного значения. В книге [Кустова 2004] принят термин «языковое расширение», который представляется не очень удачным, так как вольно или невольно отсылает к названию словаря [Солженицын 1990], где это словосочетание использовано в ином значении.

¹¹ В модели «Смысл–Текст» термин «семантическая деривация» употребляется иначе. А именно, так называется смысловое соотношение между разными словами, которое носит регулярный характер, т.е. соответствует некоторой схеме, например, глагол и его *poten actionis* или существительное и его уменьшительное: так, франц. *achat* является семантическим дериватом от *acheter*, русск. *трамвайчик* от *трамвай* (см. [Mel’čuk 2007: 120–121]). Слово *столовая*, будучи морфологическим дериватом от слова *стол*, считается семантическим дериватом от глагола *есть*, реализуя регулярное

центре внимания находится не правило порождения производного значения, а результирующий факт совмещения некоторых двух значений в пределах одного слова – т.е. речь идет скорее о сближении, производимом языком путем обозначения одним и тем же словом (ср. термин М. Ванхов «*rapprochement sémantique*» [Vanhove 2008], а также понятие «совмещение значений» в грамматической типологии [Плунгян 1998: 378]). Именно поэтому, хотя семантическая производность здесь, безусловно, присутствует, семантический переход в Каталоге может быть обозначен как ненаправленный – в том случае, если реальное историческое или моделируемое синхронное направление перехода нам неизвестно или не очевидно¹². По этой же причине в Каталог включаются лишь такие семантические переходы, которые реализуются не в классах слов, а в индивидуальных словах; регулярность и когнитивная значимость выявляемых нами семантических соотношений обнаруживает себя в том, что они независимо воспроизводятся для слов с тем же исходным значением в разных языках или в разных словах одного языка.

Другое отличие состоит в том, что семантический переход обнаруживает себя в пределах одного слова в расширенном понимании (см. выше); тем самым носителями значений, образующих семантический переход, могут оказаться разные слова.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Итак, понятие семантического перехода представляет собой способ отразить тот факт, что некоторые два смысла неслучайным образом выражаются в каком-то языке одним и тем же словом – либо синхронно, в форме двух значений полисемичного слова, либо диахронически, в форме этапов семантической эволюции. Факт совмещения двух значений в пределах одного слова сам по себе свидетельствует об их близости в концептуальном пространстве (которая имеет довольно существенные последствия, см. подробнее [Зализняк 2006: 415–417]). Если же сходное совмещение значений наблюдается в нескольких словах (одного или разных языков), возникает *с е м а н т и ч е с к а я параллель*¹³. Так, например, семантический переход ‘достичь контакта’ → ‘быть достаточным’¹⁴ имеет следующие реализации (каждая из них является семантической параллелью к двум остальным):

1) русск. *достать*:

значение А: *достать до потолка*;

значение В: *достаточно*, ср. также устар. *достанет (если достанет сил)*;

2) русск. *хватать*:

значение А: *хватать за руку*;

значение В: *мне не хватает денег*;

3) нем. *reichen (erreichen)*:

значение А: *er reicht mit dem Kopf fast bis zur Decke* ‘он достает головой почти до потолка’; *erreichen das Ufer* ‘достигнуть берега’;

значение В: *das Geld reicht nicht* ‘не хватает денег’;

4) исп. *alcanzar*:

соотношение ‘нечто делать’ → ‘комната, где это делают’ (ср. *спать* → *спальня*, *читать* → *читальня*, *раздеваться* → *раздевалка*, ср. также англ. *living room*, *dining room* и т.п.). Семантическая деривация в таком понимании лежит в основе понятия «лексической функции».

¹² Такова, например, ситуация с семантическим переходом ‘указывать’ – ‘говорить’, ср. греч. *δείκνυμι*, лат. *dico* и *indico*, русск. *сказать* и *указать*, укр. *казати* ‘говорить’ и др.

¹³ О понятии семантической параллели в этимологии и лингвистической реконструкции см. в частности [Трубачев 1976; 1988; Wilkins 1996]. В лексической типологии в том же смысле используются термины «polygenetic semantic parallels in semantic change», или просто «polygenesis» [Koch 2000; Gévaudan, Wiebel 2004; Koch 2008].

¹⁴ См. о данном семантическом переходе также [Зализняк и др. 2005; Зализняк 2009а; Рахилина, Кор-Шаин 2010].

значение А: *alcanzar con la mano* 'достать рукой'; *alcanzar al techo* 'достать (дотянуться) до потолка';

значение В: *Cuando el trabajo no alcanza para vivir* 'когда заработка не хватает на жизнь'; *¿Crees que tu conocimiento no alcanza?* 'Ты считаешь, что твоих знаний недостаточно?'

Наличие семантических параллелей говорит о том, что данное совмещение значений отражает некоторую модель языковой концептуализации. Выявление таких моделей – это одна из задач Каталога семантических переходов, который может быть также назван «каталогом семантических параллелей», так как представляет собой собрание повторяющихся, воспроизводимых семантических переходов¹⁵.

Термин «семантическая типология» употребляется в литературе в нескольких различных значениях. Поскольку объектом семантической типологии в любом случае являются языковые значения, этот термин может пониматься в самом широком смысле и тем самым рассматриваться как родовой по отношению ко всем частным типологиям, имеющим дело со значимыми единицами языка – в том числе, к лексической. Такое понимание отражено, например, в программной работе Н. Эванса, который, приводя популярное определение семантической типологии из [Lehrer 1992: 249] «характерные для того или иного языка способы упаковки семантического материала в слова» («characteristic ways in which language <...> packages semantic material into words»), комментирует его следующим образом: «...поскольку слова – это всего лишь один из типов знаков, лексическая типология представляет собой раздел семантической типологии, занимающийся лексикой» («since words are only one type of sign we consider lexical typology to be that sub-branch of semantic typology concerned with the lexicon») [Evans 2011: 505]. При таком понимании границ семантической типологии грамматическая типология также оказывается ее разделом. Действительно, лингвистическая типология – это типология грамматическая *par excellence*, и при этом, за исключением областей фонологии и морфонологии, она является одновременно семантической – в той мере, в какой она представляет собой изучение способов выражения того или иного значения¹⁶.

Остановимся теперь подробнее на соотношении терминов «семантическая типология» и «лексическая типология», поскольку здесь, очевидно, нет ни ясности, ни единодушия.

Семантическая типология в широком смысле (о которой шла речь до сих пор) – это исследование языковых значений и всех возможных связей между ними, определяющих характер языковой концептуализации. Одной из таких связей является когнитивная смежность, обнаруживающая себя в том, что некоторые два значения совмещаются в одном слове – в той или иной форме. Поэтому под семантической типологией в узком смысле (о которой пойдет речь дальше) мы будем понимать типологию семантических переходов – ср. сходное понимание термина «семантическая типология» в [Трубачев 1988: 213; Гак 1998: 469; Pottier 1999; Hénault-Sakhno, Sakhno 2001; 2005; Зализняк 2006: 392–402]; ср. также понятие «типология полисемии» в [Зевахина 1985]

¹⁵ Ср.: «Составление списка параллельно возникших метафор и случаев метонимии имеет огромное значение, поскольку лежащие в их основе ассоциации, по-видимому, глубоко коренятся в человеческом опыте и в значительной степени не зависят от культуры или среды. В связи с этим чрезвычайно важен проект, выдвинутый на Лондонском конгрессе лингвистов в 1952 г.: составление "словаря семантических параллелей"» (имеется в виду работа [Schröpfer 1956]. – А.З.) [Ульман 1970: 276]. О том, что воспроизводимость семантического перехода является свидетельством его значимости, см. также [Блумфилд 1968: 468; Brown, Witkowski 1983: 83; Sweetser 1990: 18; Blank, Koch 2000: 104; Koch 2000: 80; 2004; 2008; Traugott, Dasher 2002: 11; Аркадьев 2002; Князев 2007: 45] и др. О проектах создания словаря воспроизводимых семантических переходов см. [Schröpfer 1956; 1979; Трубачев 1964; Havlová 1965; Гак 1998], см. также изложение истории данного вопроса в [Зализняк 2001].

¹⁶ Семантической типологией называют также устройство класса слов, имеющих тот или иной тип значения – например, неопределенных местоимений; предикатов, описывающих градуируемые свойства; прилагательных со значением психического состояния и т.п.

и понятие «*typologie des rapprochements sémantiques*», используемое в рамках проекта М. Ванхов [Vanhove 2008].

Лексическая типология как область лингвистики, занимающаяся способами лексикализации и типологией лексических систем, имеет достаточно прочную традицию, см. [Гак 1977; Talmy 2007; Lehmann 1990; Koch 2001; Brown 2001] и др. При этом раньше данная область называлась «семантической типологией». Так, «семантическая типология» фигурирует в списке шести типологий, названных в основополагающей статье [Greenberg 1957], однако, как справедливо замечает П. Кох [Koch 2001: 1142], Дж. Гринберг, очевидно, имел в виду лексико-семантическую, т.е. лексическую типологию. С. Ульман в своей известной статье [Ульман 1970] под «семантической типологией» также понимает типологию лексических систем. Это смешение отчасти продолжается – например, работа [Leemans 2005], в названии которой фигурирует «семантическая типология», посвящена в большей степени типологии лексической, «тому, каким образом разные языки выражают сходные понятия» («*la manière dont des différentes langues experimentent des concepts similaires*») [Ibid.: 77].

Если сравнивать лексическую типологию и семантическую типологию в обозначенном выше узком смысле, то можно увидеть, что различаются они, прежде всего, точкой приложения исследовательского интереса: если для лексической типологии объектом анализа являются слова конкретного языка (обычно относящиеся к определенной узкой концептуальной области – например, обозначающие температурные параметры или виды плавания), для которых устанавливается распределение между ними семантического материала, то для семантической типологии таковым объектом являются пары значений, обнаруживающие концептуальную смежность; слова, эти значения выражающие, служат лишь ее «экспонентами»¹⁷. В терминах концептуального аппарата Каталога семантических переходов такие слова представляют собой р е а л и з а ц и и семантических переходов (ср. выше) и лишь в таковом качестве представляют интерес для семантической типологии.

В лексической типологии объектом типологизации являются определенные слова определенных языков и, соответственно, сами эти языки: в один «тип» попадают языки, одинаковым образом «пакующие семантическую информацию», в частности, совмещающие или разделяющие те или иные значения (ср. типологию лексических систем в [Koch 2001], типологию лексикализации в [Talmy 2007]). Так, с точки зрения лексической типологии, например, английский и французский языки, совмещающие значения ‘мать жены’ и ‘мать мужа’ (англ. *mother-in-law*, франц. *belle-mère*), попадут в один «тип», а русский язык, различающий эти смыслы при помощи слов *теща* и *свекровь*, – в другой; русский язык, совмещающий значения ‘брат отца’ и ‘брат матери’ (дядя), окажется принадлежащим иному типу, чем древнерусский, различающий эти смыслы при помощи слов *стрый* и *уй* и т. д. Заметим, что в русском языке еще существуют слова *деверь* и *шурин*, но далеко не все говорящие сегодня по-русски умеют ими пользоваться; более того, наблюдается отчетливая тенденция утраты противопоставления *теща* – *свекровь*. Можно сказать, что в русском языке в этой точке происходит изменение типа лексической системы: постепенная утрата противопоставления в обозначении родственников мужчины и женщины¹⁸. Между тем для семантической типологии (в том узком смысле, о котором идет речь) приведенный материал не дает оснований ни для каких выводов, так как здесь не может быть усмотрено никаких семантических переходов.

¹⁷ Я пользуюсь здесь термином А. Вежбицкой («*exponents*»), применяемым ею по отношению к словам, выражающим элементарные смыслы, или «семантические примитивы», в том или ином языке, см. [Goddard, Wierzbicka (eds) 1994; Wierzbicka 1996] или <http://www.uned.edu.au/bcss/linguistics/nsm/semantics-in-brief.php>.

¹⁸ В том же русле изменения лексической системы находится утрата противопоставления *единокровный* – *единоутробный* (о брате / сестре): в обоих значениях в современном языке употребляется термин *сводный*, изначально применявшийся лишь к неродному брату / сестре, т. е. к ребенку другого супруга своего отца или матери.

Именно разность задач и собственно объекта типологического исследования определяет разный выбор перспективы и, соответственно, рабочего инструментария – при рассмотрении, в том числе, одного и того же материала. И, наоборот, единство материала отчасти затемняет различие целей семантико-типологического и лексико-типологического исследования – тем не менее, с методологической точки зрения оно весьма существенно.

Лексическая типология занимается вопросом о том, как распределен в разных языках материал некоторой концептуальной области между лексемами и какие здесь существуют типологически релевантные параметры варьирования (ср. признаки, различающие синонимы, которые перечисляются в начале каждой словарной статьи в [НОСС]). Соответственно, выбор тех или иных параметров в качестве различительных признаков детерминирует тип лексической системы. В семантической же типологии «тип» определяется наличием тех или иных семантических переходов (представленных реализациями любого типа). Так, в английском языке есть переход ‘человек’ → ‘мужчина’, а в русском нет, а переход ‘уйти’ → ‘умереть’ есть и в том, и в другом; переход ‘творог’ → ‘сыр’ есть и в русском, и во французском, хоть и в разных типах реализаций (см. раздел 3), а вот переход ‘сливки’ → ‘сметана’ есть во французском (ср. *crème fraîche*) и в немецком (ср. *sauere Sahne*), а в русском нет, и т.д. Типологически наиболее близкими в этом смысле являются языки с наибольшим пересечением множества семантических переходов. Так, возьмем семантический переход ‘мужчина’ → ‘муж’. С точки зрения лексической типологии немецкий язык в данной точке лексической системы попадет в другой класс, чем русский (в немецком одно слово: *Mann*, а в русском – два разных: *мужчина* и *муж*), а с точки зрения семантической типологии оба эти языка будут квалифицированы одинаково, а именно как содержащие данный переход: немецкий – в форме полисемии, а русский – в форме морфологической деривации.

В лексической типологии широко применяется аппарат семантических карт (созданный изначально для нужд грамматической типологии, см. [Croft 2003: 133–139; Haspelmath 2003]), позволяющий отобразить возможности категоризации некоторого концептуального пространства и сопоставить способы выражения таких смежных категорий в разных языках. Так, в статье [Haspelmath 2003] предлагается семантическая карта значений ‘дерево’ – ‘древесина’ – ‘дрова’ – ‘лес’ в нескольких европейских языках; в статье [François 2008] исследуются возможности «колексификации» (т.е. объединения в пределах одного слова) в разных языках многочисленных производных значения ‘дышать’. Лексико-семантические таблицы, используемые, например, в [Koch 2001], представляют собой упрощенный вариант семантических карт (исследуемое концептуальное пространство предстает в форме одномерной шкалы). Приведем в существенно модифицированном виде одну из таких таблиц (см. таблицу 1; ср. также таблицу ‘человек’ – ‘мужчина’ – ‘муж’ в [Зализняк 2006: 411]).

Таблица 1

	‘волосы на голове’	‘волосы в бороде’	‘волосы на теле человека’	‘шерсть у животного’	‘шерсть (материал)’
англ.	hair				wool
нем.	Haar				Wolle
русск.	волосы			шерсть	
лат.	capillus		pilus		vellus, lana
франц.	cheveu	poil			laine
итал.	capello	pelo			lana

Применяемый в лексической типологии табличный метод, также как и метод семантических карт, обладает двумя свойствами, принципиально отличающими его от формата Каталога семантических переходов. Во-первых, здесь фигурирует не два, а целый ряд значений; во-вторых, здесь отражается лишь сам факт колексификации: характер отношений между совмещаемыми в слове значениями (т.е. наличие или отсутствие полисемии и, соответственно, семантического перехода) оказывается несущественным.

В последние годы область лексической типологии расширилась: см. историю вопроса и формулировку задач лексической типологии в [Рахилина, Плунгян 2007; Koptjevskaja-Tamm 2008; 2012]. При таком более широком понимании границ лексической типологии семантическая типология в узком смысле, т.е. типология семантических переходов, оказывается, наоборот, включенной в лексическую. Так, в работах М. Копчевской-Тамм [Koptjevskaja-Tamm 2008; 2012] внутри лексической типологии, которую она понимает как «cross-linguistic and typological branch of lexicology», предлагается различать две «перспективы», или два исследовательских «фокуса». Проблема категоризации концептуальных областей принадлежит ономасиологическому фокусу¹⁹, и эта область исследования остается для лексической типологии центральной, но имеется еще и семасиологический фокус, которому принадлежат механизмы семантической деривации. Типология семантических переходов при таком взгляде оказывается частью семасиологической составляющей лексической типологии. Однако здесь все же сохраняется некий довольно существенный зазор – с одной стороны, за счет того, что типология семантических переходов включает область грамматикализации, с другой стороны, типологию семантических переходов интересует иной тип регулярности (не системность внутри одного языка, а воспроизводимость в разных языках, см. раздел 1). Соответственно, то, что выше было названо «лексической типологией», должно быть обозначено как «лексическая типология в ее ономасиологической перспективе».

Сказанное о соотношении типологии семантических переходов и лексической типологии (в ее ономасиологической перспективе) может быть частично суммировано в таблице 2.

Таблица 2

	лексическая типология (ономасиологический аспект)	типология семантических переходов
1. Объект типологизации	слова и лексические системы	значения и семантические переходы
2. Тип значения	выражаемое лексически	выражаемое разными средствами
3. Носитель лексического значения	слово в обычном смысле	слово в широком смысле (включая диахроническое, диалектное и морфологическое варьирование)
4. Степень детализации смысловых противопоставлений	не ограничена	ограничена
5. Количество сопоставляемых значений	не ограничено	равно двум

¹⁹ Так, П. Кох называет ту область лексической типологии, которой он занимается, «диахроническая когнитивная ономасиология».

3. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Трудность идентификации семантических переходов (т.е. выявления пар значений, связанных между собой некой генетической связью) определяется тем обстоятельством, что здесь не существует никакой алгоритмической процедуры. Интерпретация некоторой совокупности языковых фактов как реализации определенного семантического перехода есть результат сложной исследовательской работы, включающей применение определенных принципов и методов, но в целом не формализуемой и опирающейся, в конечном счете, на опыт и интуицию исследователя. Те элементы применяемой нами методологии, которые все же могут быть сформулированы, состоят в следующем.

Важным методологическим принципом Каталога семантических переходов является бинарность отношения, рассматриваемого в качестве единицы анализа. Действительно, в реальности как семантическая эволюция, так и синхронная семантическая деривация обычно включают несколько связанных между собой звеньев, и при этом границы между ними носят недискретный характер. «Дискретизация» этого поля и вычленение из него пар языковых значений, образующих релевантные семантические переходы, – это наиболее сложная и неформализуемая часть работы. Вычленяя дискретную пару значений в качестве семантического перехода и некоторую пару языковых единиц в качестве его реализации, мы намеренно упрощаем реальную картину семантической эволюции / деривации, оставляя за пределами рассмотрения разнообразные привходящие обстоятельства, в том числе возможные промежуточные звенья. Для этого на входе словарной статьи имеется специальная зона («Комментарии»), куда помещаются необходимые дополнительные сведения о данном переходе или отсылки к литературе (некоторые семантические переходы имеют уже солидную традицию изучения, например, переход 'горшок' → 'голова' или 'хватать' → 'понимать').

Так, например, мы постулируем семантический переход 'медлить' → 'жить, обитать' (обнаруживающий себя, в частности, в семантической эволюции франц. глагола *demeurer* от лат. *demorari*). На этом пути были, естественно, промежуточные этапы: исторический словарь французского языка [Rey 2000: 1031] отмечает, например, значение 'оставаться в течение некоторого времени где-то'; с другой стороны, как лат. глагол *demorari*, так и франц. *demeurer* имеют свой набор значений. Семантический переход 'ехать' → 'готовый', реализованный в нем. *fertig* (см. [Пауль 1960: 110]) и в англ. *ride – ready* (см. [Блумфильд 1968: 475]), включает промежуточный этап 'готовый ехать'. О промежуточном этапе упоминавшегося выше семантического перехода 'достичь контакта' → 'быть достаточным' свидетельствуют, например, следующие употребления, приводимые в словаре Даля: *Ружье за реку не хватит; Шест не хватает дна; Хотелось бы так, а коли шест берега не хватит, можно и иначе; Туда рука не дохватит*. Восстановление семантической истории слов и структуры их полисемии на каждом историческом этапе – увлекательная, но все же иная исследовательская задача. Семантический переход как единица Каталога связывает между собой некоторые два значения из реально существующих многих; это мета-языковой конструкт, и в таковом качестве он не имеет ни хронологии, ни промежуточных этапов²⁰.

Как уже говорилось, основной материал Каталога семантических переходов составляют факты совмещения значений в пределах одного слова в форме полисемии. Однако полисемию, как известно, не удастся строго отграничить, с одной стороны, от омонимии и, с другой стороны, – от синкретизма (ср. англ. термины «semantic generality» и

²⁰ Другое дело, что тот или иной «промежуточный этап» может быть признан самостоятельным семантическим переходом, см. об этом подробнее в связи с переходами, реализуемыми словами русск. *блудить* и лат. *errare* в [Зализняк 2001].

«vagueness»), см. в частности [Nerlich, Clarke 2004: 4; Taylor 2004: 35]²¹. Отсутствие каждой из двух границ создает свои проблемы; начнем со второй.

Проблема синкретизма в рамках нашей модели формулируется так: следует ли, на основании того, что в языке X смыслы P и Q выражаются разными словами, а в языке Y – одним словом (т.е. «колексифицируются»), признавать существование семантического перехода P → Q? Например, есть ли такие переходы: ‘кисть руки’ – ‘часть руки от плеча до кисти’, ‘синий’ – ‘голубой’, ‘плыть (активно, о человеке)’ – ‘плыть (пассивно, о предмете)’, ‘теща’ – ‘свекровь’, ‘старший брат’ – ‘младший брат’, ‘теленка до года’ – ‘теленка от года до двух’, ‘быть знакомым’ – ‘владеть информацией’, ‘правда’ – ‘истина’, ‘свобода’ – ‘воля’ и т. д.? Для всех этих пар есть языки, где данные смыслы выражаются разными словами, и языки, где они выражаются одним словом.

Очевидно, следует разделить два феномена: семантический переход и наличие / отсутствие исходного различия (путем называния разными словами). Тот факт, что какой-то другой язык различает, называя разными словами, два понятия, которые не различает данный язык, не является свидетельством ничего, что бы касалось внутренней структуры данного языка. Семантический переход – это наличие некой генетической связи между двумя значениями. В случае «теленка до года» ее нет ни в том, ни в другом языке: в том языке, где это разные слова, связь между ними ничем не отличается от любой связи близких по значению разных слов, а в том языке (как русский), где эти значения не различаются, вообще нет тех языковых единиц, связь между которыми имело бы смысл обсуждать (*теленка до года* – это свободное словосочетание).

Практическое решение проблемы синкретизма состоит в том, что в Каталог включаются только такие семантические переходы, для которых, помимо синкретизма, имеются также реализации других типов. Так, в русском языке есть два разных слова *сыр* и *творог*, а во французском оба продукта синкретично обозначаются одним словом – *fromage*. Этот факт сам по себе еще не позволяет говорить о существовании семантического перехода ‘творог’ → ‘сыр’²². Однако существование такого перехода подтверждается, например, русским словом *сырник* ‘кулинарное изделие из творога’, представляющим собой другой тип реализации того же перехода (а именно, «морфологическая деривация»). Впрочем, как следует из предыдущего раздела, проблематика членения концептуальных областей принадлежит ономаσιологической составляющей лексической типологии и должна исследоваться иными методами.

С другой стороны, возникает ряд проблем из-за отсутствия жесткой границы между полисемией и омонимией. Именно в эту зону попадают, например, русские приставочные глаголы, которые совпадают по морфемному составу, но включают одну и ту же приставку в разных значениях, т.е. реализуют разные «конструкции».

В статье [Шмелев 2009] приводится ряд примеров русских приставочных глаголов, имеющих два «энантиосемичных» значения: *прослушать* <доклад> – ‘выслушать’ и ‘не услышать, пропустить’ *вывести* <кроликов> – ‘произвести на свет, вырастить’ и *вывести* <тараканов> – ‘уничтожить, истребить’, *задуть свечу* и *задуть домну*, *переизбрать* <Х-а> – ‘избрать Х-а еще раз’ и ‘избрать другого человека вместо Х-а’, *обнести* – ‘обойдя, угостить каждого’ и ‘обойти, не угостив’. Вопрос о том, следует ли усматривать в таких парах феномен энантиосемии, решается в зависимости от того, насколько расширительно мы готовы употреблять данный термин (поскольку все обсуждаемые пары

²¹ Ср. также: «I argue that the distinction between vagueness and polysemy (which is crucial to traditional conceptions of lexical-semantic structure) is unstable: what appear to be distinct meanings from one point of view turn out to be instances of vagueness from another» [Geerarts 1993: 223]. В статье [Koptjevskaja-Tamm 2008: 8] относительно семантической структуры русского глагола *плавать* на фоне английских *float*, *swim*, *sail* отмечается, что здесь методологически имеется три возможности: «semantic generality, polysemy and agnosticism», при этом наиболее правильным решением представляется последнее.

²² На самом деле здесь, очевидно, произошел переход от гиперонима к гипониму: от значения «молочнокислый продукт: сыр или творог» к более частному значению «сыр».

значений являются противоположными лишь в некотором смысле). Но в любом случае здесь нельзя усматривать энантиосемического семантического перехода ('А' → 'не-А'), поскольку обсуждаемые значения не связаны между собой отношением семантической деривации. Такого рода пары – это либо фактические омонимы, образованные по разным моделям (*задуть свечу* и *задуть домну*; ср. также *залечить человека* и *залечить рану*; *захлопать в ладоши* и *захлопать выступающего*; когнаты русск. *запомнить* и польск. *zarotnieć* 'забыть' и т. п., см. подробнее [Зализняк 2006: 298–335]), либо результаты различной реализации концептуальной схемы приставки и/или ее дальнейшей метафоризации; в обоих случаях смысловая противоположность – в какой-то степени случайный эффект, возникающий при сопоставлении результатов разных цепочек семантической деривации. Так, глаголы движения с приставкой *вы-* имеют два фокуса – «откуда» и «куда»; соответственно, в ходе семантической деривации возникает *вывести тараканов* («отсюда») и *вывести новую породу кроликов* («сюда»). Другой пример: *мне обломилось* = 'досталось или удалось что-то хорошее' и жаргонное *я обломался, облом* – о какой-то неудаче, когда что-то не состоялось, не удалось. Эти два значения получены путем метафорического переосмысления нескольких различных ситуаций: *мне нечто обломилось* относит к ситуации, когда «я» сижу под деревом и на меня падает что-то типа ветки с висющим на ней плодом, а в ситуации *облома*, наоборот, «я» сижу на этой ветке и падаю вместе с ней. Что касается глагола *переизбрать*, то как бы ни трактовать источник его энантиосемии (восходят ли два его противоположных значения к одному и тому же значению приставки *пере-* или к двум разным), это единичный казус, никакого семантического перехода не имплицитующий²³.

Иногда возникают проблемы с установлением направления семантического перехода. Например, бывает так, что новое значение, появившееся в языке-предке, оказывается утраченным в языке-потомке – и тем самым реальное направление семантического перехода оказывается противоположным наблюдаемому. Так, в древнерусском языке у основы *страд-* было производное значение 'работа', впоследствии утраченное; слова др.-русс. *страдник* 'рабочий', русск. *страда* 'время сезонных работ' демонстрируют переход 'страдать' → 'работать'. Тот же переход наблюдается в основе *труд-* [Срезневский 1989: 1007], ср. выражение *натрудить ногу*, в котором сохранилось старое значение 'боль, страдание', а также во франц. *reine*, прошедшем путь семантической деривации 'наказание' → 'страдание' → 'труд' и сохраняющем все три значения в форме синхронной полисемии. Однако этот переход может происходить и в противоположном направлении, ср. лат. *labor* и исп. *trabajo* (в таких случаях в Каталоге используется двунаправленная стрелка для самого перехода и указывается направление для каждой реализации). Иногда направление семантического перехода установить не удастся; в таких случаях используется ненаправленная стрелка (о проблеме направления семантического перехода см. подробнее [Zalizniak 2008; Zalizniak et al. 2012]).

Важное свойство семантического перехода как языковой единицы состоит в том, что он может заимствоваться: это явление известно под названием «семантического калькирования». Так, например, англ. *to find*, нем. *finden*, франц. *trouver*, итал. *trovare*, русск. *находить* демонстрируют семантический переход '(вновь) обретать <некий предмет>' → 'иметь мнение'; маловероятно, что сходное семантическое развитие во всех этих языках было независимым. Несмотря на то, что такое решение противоречит принятому в типологии отношению к любого рода заимствованиям, семантические кальки включаются в Каталог в качестве самостоятельных реализаций – поскольку факт калькирования, с одной стороны, редко бывает возможно однозначно установить, с другой стороны, он сам по себе представляет интерес в разных отношениях и, в частности, он

²³ Два значения глагола *переизбрать* – относительно редкий случай полной омонимии, иногда даже затрудняющей коммуникацию. При этом употребление глагола *переизбрать* в значении 'сместить с должности, не выбрав на следующий срок' весьма ограничено (а некоторыми носителями русского языка оно вообще отвергается), и его идентификация невозможна без контекстной поддержки или знания внеязыковой ситуации.

косвенным образом также свидетельствует о когнитивной значимости семантического перехода. О проблеме семантического калькирования в данной связи см. подробнее [Зализняк 2006: 413–417; Грунтов 2007; Zalizniak et al. 2012].

Особого обсуждения заслуживает ряд проблем, возникающих в тех случаях, когда в роли носителя производного значения выступает морфологически более сложное слово или фразеологически связанное словосочетание.

Начнем с проблемы идентификации семантического перехода, представленного связанным значением слова внутри словосочетания.

Лексикографическая трактовка глагола в сочетаниях типа *бросить взгляд, столкнуться с проблемой, добраться до сути, пойти на компромисс, погрузиться в раздумья, прийти к выводу* и т.п. может быть троякой (см. подробнее [Zalizniak 2012]). А именно, можно считать, что *бросить* в сочетании *бросить взгляд* означает: (1) буквально ‘бросить’ или (2) нечто вроде ‘осуществить’ (ср. лексическую функцию Oper1 в [Мельчук 1974/99: 100]) или (3) нечто вроде ‘посмотреть’. Последнее решение (принятое, например, в идеографическом словаре [Бабенко и др. 1999]) можно было бы признать просто ошибочным (ср. критику В.В. Виноградовым подобной трактовки глагола *обвести* в примере *Машенька обвела удивленными глазами свою комнату* в словаре Д.Н. Ушакова [Виноградов 1977]), если бы не следующее обстоятельство.

В языке действует механизм, состоящий в том, что именной компонент устойчивого сочетания отпадает, а значение сочетания в целом переходит к глаголу: таким образом глагол приобретает новое значение, т.е. происходит семантический переход. В частности, именно так произошел, например, во франц. *comprendre* (и продолжает воспроизводиться в форме синхронной полисемии в массе других слов разных языков) знаменитый семантический переход ‘схватить’ → ‘понять’. В «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого среди множества значений глагола *comprehendere* мы находим, в частности: *comprehendere paucis verbis* ‘кратко излагать’; *comprehendere visu* ‘воспринимать, видеть’; *comprehendere memoria* ‘запоминать’ *comprehendere animo/mente/cogitatione* ‘понимать, познавать’. Можно ли на основании этого утверждать, что латинский глагол *comprehendere* имел значение ‘понимать’? По крайней мере, на основании приведенных данных – по-видимому, нет. С другой стороны, очевидно, что в какой-то момент этот глагол все же приобрел данное значение, поскольку франц. глагол *comprendre* имеет значение ‘понимать’, а ‘хватать’ – не имеет. Как представляется, наиболее адекватной моделью этого процесса является такая, согласно которой глагол приобретает новое значение в тот момент, когда его реализация оказывается возможной без вызвавшего его к жизни контекста (в данном случае инструментального дополнения). В какой момент инструментальное дополнение *animo/mente/cogitatione* отпало, мы не знаем, но можно с уверенностью сказать, что именно в этот момент лат. *comprehendere* приобрело значение ‘понимать’.

Что же касается примеров типа *бросить взгляд* или *столкнуться с проблемой*, то здесь глагол не может брать на себя значение словосочетания в целом (и тем самым лексикографическая трактовка типа (3) к ним неприменима). Однако в каких-то других весьма похожих случаях это возможно, ср.: *пробежать из пробежать глазами* (ср. *Ему захотелось побыстрее пробежать это письмо*); *дойти из дойти до изнеможения, доводить <учительницу> из доводить <кого-то> до слез, до нервного срыва, до истерики*. Возможна также утрата прямого объекта, ср. *понести ‘забеременеть’ из понести плод* (ср.: *Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога*. Пушкин), а также разговорное *рассекать ‘перемещаться в публичном пространстве (о человеке)’ из рассекать воды* (о корабле), *предъявлять <кому-то> из предъявлять претензии* и т.п., см. об этом явлении [Розина 2005: 250–252].

Рассмотрим теперь вопрос о том, каким образом свидетельством семантического перехода может служить пара слов, одно из которых является морфологическим дериватом другого – т.е. тип реализации семантического перехода, который выше был назван «морфологическая деривация». Сразу оговоримся, что на самом деле морфологически сложными могут оказаться оба слова, т.е. в общем случае речь идет не о добавлении,

а о замене морфемы или морфосинтаксической характеристики, ср. *судить* – *судьба* ('иметь мнение' → 'судьба'), нем. *ziehen* – *Zug* ('тянуть' → 'поезд') и т.п.²⁴

Итак, пусть имеется лексема L1, состоящая из основы S1 и некоторой морфемы или морфосинтаксической характеристики m1 (т.е. L1 = S1 + m1), и лексема L2, представляющая собой морфологический дериват от L1, т.е. L2 = S1 + m2 (где m2 – некоторая новая морфема или морфосинтаксическая характеристика).

Здесь имеется два параметра варьирования: 1) морфологически производное слово является носителем производного (target) или исходного (source) значения; 2) носителем значения, участвующего в семантическом переходе, является морфологически производное слово целиком или только лишь сама производящая основа, входящая в его состав. Из четырех возможных комбинаций широко представлены три:

1. L1 является носителем значения А, L2 – значения В. Например: *слушать* – *слушаться* ('слушать' → 'повиноваться'), *простить* – *проститься* ('прощать' → 'прощаться'), *синий* – *синяк* ('синий' → 'синяк'), итал. *contare* – *raccontare* ('вести счет' → 'рассказывать'), нем. *Bild* – *Bildung* ('образ' → 'получение совокупности знаний', ср. реализацию того же перехода в русск. *образ* – *образование*, франц. *forme* – *formation*), итал. *zucca* – *zucchino* ('тыква' → 'кабачок'). Семантический переход, обнаруживающий себя в реализациях данного типа, иначе может быть назван «мотивационной моделью» [Толстая 2002; 2008]; ср. также исследование феномена мотивации в типологическом ключе в работах [Koch, Marzo 2007; Marzo 2009] и др.

2. Носителем значения А является L2, а L1 имеет значение В (т.е., наоборот, морфологически производное слово имеет семантически исходное значение), например: *жена* – *женщина* (А = 'женщина', В = 'жена'; семантический переход: 'женщина' → 'жена'), *муж* – *мужчина* ('мужчина' → 'муж'), ср. также: нем. *Mann* – *Mensch* ('человек' → 'мужчина'), лат. *puto* – *computo* ('вести счет' → 'иметь мнение').

3. Носителем значения А является производящая основа S1 в составе морфологически производной лексемы L2, а морфологически более простая лексема L1 имеет производное значение В (значение лексемы L2 при этом вообще в игре не участвует: существенно лишь значение производящей основы), например: *жена* – *женский*, *жена* – *женолюб* ('женщина' → 'жена'), *сыр* – *сырник* ('творог' → 'сыр'); *ревность* – *ревностный* ('рвение, усердие' → 'ревность')²⁵.

Реализации семантического перехода типа «морфологическая деривация» – это важнейшее свидетельство семантической деривации, занимающее в некотором смысле промежуточное положение между семантической эволюцией и синхронной полисемией (обратим внимание также на то, что материал, аналогичный тому, который фигурирует в реализациях данного типа, широко используется в этимологических словарях). Здесь, однако, возникает следующая проблема. Как отличить собственно семантический переход, т.е. эффект, определяемый некими ингерентными свойствами исходного значения, – от случая, когда результирующее значение детерминировано семантикой

²⁴ К рассматриваемому типу реализации семантического перехода могут быть отнесены также такие пары однокоренных слов, между которыми нет непосредственного отношения морфологической производности, ср. пары слов: *указать* – *сказать* (семантический переход: 'указывать' – 'говорить'), *красный* – *красивый* ('красивый' → 'красный'), франц. *partie* 'часть' и *parti* 'партия' (восходящие, соответственно, к формам причастия женского и мужского рода от ст.-франц. глагола *partir* 'делить' [Dauzat 1938: 536]; семантический переход: 'часть' → 'партия').

²⁵ Четвертый теоретически возможный вариант, а именно, когда морфологически исходная лексема L1 является носителем семантически исходного значения, а носителем производного значения является основа как часть морфологического деривата, идентифицируется труднее. Таким примером могла бы служить пара *стол* – *столовая* как реализация семантического перехода 'стол' → 'еда'. Однако, с одной стороны, не очевидно, что *столовая* – это исходно 'место, где едят', а не 'место, где стоит стол' (т.е. значение 'еда' для основы *стол-* в составе слова *столовая* не очевидно). С другой стороны, само слово *стол* тоже имеет переносное значение 'еда' (ср.: *и под каждым ей кустом был готов и стол и дом*), и тогда оказывается, что пара *стол* – *столовая* вообще никакого семантического перехода не демонстрирует (а переход 'стол' → 'еда' отражен в форме полисемии самого слова *стол*).

привходящего словообразовательного элемента, и тем самым никакого семантического перехода в нашем понимании нет? Так, например, пары *писать* – *переписать* или *дом* – *домик* не являются основанием для постулирования переходов, соответственно, ‘писать’ → ‘переписать’ или ‘дом’ → ‘домик’, поскольку производное значение детерминировано значением служебной морфемы. В других случаях значение словообразовательного элемента в морфологически производном слове не вычленяется, ср. пару слов итал. *contare* ‘вести счет’ и *raccontare* ‘рассказывать’ или лат. *dico* ‘говорить’ и *indico* ‘указывать’ и т.п.

Однако жесткой границы здесь нет: механизмы словообразовательной семантики далеки от автоматизма, и здесь всегда имеется довольно обширная промежуточная зона, где значение производного слова представляет собой результирующую сложного взаимодействия семантики словообразовательной модели и ряда семантических переходов, в которых носителем производного значения может быть как сама глагольная основа производного слова, так и производное слово целиком. Так, например, современное значение русского глагола *отдохнуть* возникло в ходе семантической эволюции из значения ‘выйти из состояния затрудненности дыхания’, полученного в свою очередь из взаимодействия семантики словообразовательной модели приставки *от-* с производным значением основы *дох-* ‘дышать тяжело, с трудом’ (см. об этом подробнее [Зализняк 2009б]). Тем самым русский глагол *отдохнуть* не является свидетельством семантического перехода ‘дышать’ → ‘отдыхать’ (хотя типологически такой переход зафиксирован, см. [François 2008]). Между тем для постулирования семантического перехода ‘дышать’ → ‘умереть’ (через промежуточный этап ‘дышать тяжело, с трудом’) русский язык дает основания: это слова *дохлый*, *дохнуть*, *подохнуть* и *передохнуть* (но не *сдохнуть*, возникшее, по-видимому из *издохнуть* ‘испустить дух’). Хотя меру семантического вклада приставки в производное значение часто бывает невозможно точно определить, все же можно сказать, что, например, пара *быль* – *убыль* не демонстрирует никакого семантического перехода (производное значение детерминировано значением приставки), а пару *часть* – *участь* можно признать реализующей переход ‘часть’ → ‘судьба’ (ср. другую реализацию того же перехода в слове *удел*) и т.п.

Семантический эффект, имеющий в качестве источника два исходных элемента – не менее интересный объект типологического изучения. Так, английский фразовый глагол *to look after* <*smb.*> состоит из тех же частей, что и имеющее то же значение русское *смотреть за* <*кем-то*>; пара русских слов *черный* и *чернить*, так же как англ. *black* и *to blacken* демонстрирует семантический переход ‘черный’ + ‘каузативность’ → ‘клеветать’²⁶ и т.п. Однако для описания такого типа регулярных семантических соотношений потребовалась бы существенная модификация формата базы данных.

Трудности идентификации семантических переходов, связанные с отсутствием какого-либо алгоритма их выявления, так или иначе преодолеваются в ходе практической работы. Не исключено, что какие-то из принятых нами решений окажутся впоследствии не оптимальными: формат базы данных предоставляет возможность их пересмотреть. На настоящий момент (сентябрь 2012 г.) база данных по семантическим переходам в языках мира включает 3685 семантических переходов, имеющих от двух до сорока реализаций; использован материал 319 языков семи языковых семей. База данных доступна в текстовом режиме на сайте <http://semshifts.iling-ran.ru>.

Как уже отмечалось в наших предыдущих публикациях, Каталог семантических переходов послужит фактографической базой для решения следующих задач:

- построение типологии семантической деривации;
- обеспечение семантического критерия реконструкции;
- выявление универсальных и специфических механизмов языковой концептуализации;
- реконструкция фрагментов языковой картины мира;
- выявление «истории идей»²⁷ и путей культурных влияний.

²⁶ Этот пример был предложен М.С. Булах.

²⁷ Ср. подзаголовок знаменитого «Словаря индоевропейских синонимов» К. Бака [Buck 1971].

Я пользуюсь случаем выразить благодарность моим коллегам – М.С. Булах, Д.С. Ганенкову, И.А. Грунтову, Т.А. Майсаку и М.М. Руссо – за многолетний труд по созданию базы данных семантических переходов в языках мира, позволивший реализовать замысел Каталога, а также А.В. Дыбо, А.А. Зализняку, А.А. Кибрику, М. Копчевской-Тамм, Т.А. Михайловой и В.А. Плунгяну за моральную поддержку этой работы на разных ее этапах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2009 – Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М., 2009.
- Аркадьев 2002 – П.М. *Аркадьев*. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6. № 1.
- Бабенко и др. 1999 – Л.Г. *Бабенко и др.* Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. М., 1999.
- Бенвенист 1954/74 – Э. *Бенвенист*. Семантические проблемы реконструкции // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. (*E. Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word*. 1954. V. X. № 2–3.)
- Блумфилд 1968 – Л. *Блумфилд*. Язык. М., 1968.
- Бонч-Осмоловская и др. 2009 – А.А. *Бонч-Осмоловская, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова*. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // В.М. Брицын, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Г.М. Яворская (ред.). Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев, 2009.
- Виноградов 1977 – В.В. *Виноградов*. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гак 1998 – В.Г. *Гак*. Метафора: универсальное и специфическое // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Грунтов 2007 – И.А. *Грунтов*. «Каталог семантических переходов» – база данных по типологии семантических изменений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2007». Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г. М., 2007.
- Зализняк 2001 – Анна А. *Зализняк*. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Зализняк 2006 – Анна А. *Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк 2009а – Анна А. *Зализняк*. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2009». Бекасово, 27–31 мая 2009 г. М., 2009.
- Зализняк 2009б – Анна А. *Зализняк*. Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке // «Слово – чистое веселье...». Сб. статей в честь А.Б. Пеньковского. М., 2009.
- Зализняк 2013 – Анна А. *Зализняк*. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира») // *Russian linguistics*. 2013. V. 37. № 1.
- Зализняк и др. 2005 – А.А. *Зализняк, Е.В. Торопова, В.Л. Янин*. Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2005. № 3.
- Зевахина 1985 – Т.С. *Зевахина*. К вопросу об универсалиях в области полисемии // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Князев 2007 – Ю.П. *Князев*. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Копчевская, Рахилина 1999 – М. *Копчевская, Е.В. Рахилина*. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Крысин 1998 – Л.П. *Крысин*. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

- Кустова, Падучева 1994 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Мельчук 1974/1999 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». М., 1999 (2-е изд. М., 1999).
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пауль 1960 – Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
- Плунгян 1998 – В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Рахилина (ред.) 2010 – Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина и др. 2009 – Е.В. Рахилина, О.С. Карпова, Т.И. Резникова. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2009». Бекасово, 27–31 мая 2009 г. М., 2009.
- Рахилина и др. 2010а – Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.С. Карпова. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина и др. 2010б – Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, А.А. Бонч-Осмоловская. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина, Кор-Шаин 2010 – Е.В. Рахилина, И. Кор-Шаин. Новая загадка *хватать* // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина, Плунгян 2007 – Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Розина 2005 – Р.И. Розина. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.
- Руссо 2012 – М.М. Руссо. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сб. научных статей (электронное научное издание). Вып. 4. 2012 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf.
- Солженицын 1990 – А.И. Солженицын. Русский словарь языкового расширения. М., 1990.
- Срезневский 1989 – И.И. Срезневский. Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 1989.
- Толстая 2002 – С.М. Толстая. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3).
- Толстая 2008 – С.М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Трубачев 1964 – О.Н. Трубачев. 'Молчать' и 'таять'. О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Трубачев 1976 – О.Н. Трубачев. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубачев 1988 – О.Н. Трубачев. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
- Ульман 1970 – С. Ульман. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Шмелев 2009 – А.Д. Шмелев. «Незначащее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.
- Blank 2000 – A. Blank. Polysemy in the lexicon // R. Eckardt, K. von Steussinger (eds). Meaning change – meaning variation. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999. Konstanz, 2000.

- Blank, Koch 2000 – *A. Blank, P. Koch*. La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // H. Dupuy-Engelhardt, M.-J. Montibus (eds). La lexicalisation des structures conceptuelles: Actes du colloque international EUROSEM 1998. (Recherches en linguistique et psychologie cognitive, 13.) Reims, 2000.
- Blank et al. 2000 – *A. Blank, P. Koch, P. Gévaudan*. Onomasiologie, sémasiologie et l'étymologie de langues romanes: esquisse d'un projet // A. Englebert, M. Pierrard, L. Rosier, D. van Raemdonck (eds.). Actes du XXIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes, Bruxelles, 23–29 juillet 1998. IV: Des mots aux dictionnaires. Tübingen, 2000.
- Brown 2001 – *C. Brown*. Lexical typology from an anthropological point of view // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds). Language typology and language universals. An international handbook. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Brown, Witkowski 1983 – *C.H. Brown, S.R. Witkowski*. Polysemy, lexical change and cultural importance // *Man*. New series. 1983. V. 18. № 1.
- Buck 1971 – *C.D. Buck*. A dictionary of selected synonyms in the principle Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1971.
- Bybee 2010 – *J.L. Bybee*. Language, usage and cognition. Cambridge, 2010.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Croft 2003 – *W. Croft*. Typology and universals. 2-nd ed. Cambridge, 2003.
- Dauzat 1938 – *A. Dauzat*. Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1938.
- Evans 2011 – *N. Evans*. Semantic typology // J.J. Song (ed.). The Oxford handbook of typology. Oxford, 2011.
- Evans, Wilkins 2000 – *N. Evans, D. Wilkins*. In the mind's ear: the semantic extension of perception verbs in Australian languages // *Language*. 2000. V. 76. № 3.
- François 2008 – *A. François*. Semantic maps and the typology of colexification // M. Vanhove (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
- Geerarts 1993 – *D. Geerarts*. Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries // *Cognitive linguistics*. 1993. V. 4.
- Gévaudan 2007 – *P. Gévaudan*. Typologie des lexikalischen Wandels: Bedeutungswandel, Wortbildung und Entlehnung am Beispiel der romanischen Sprachen. Tübingen, 2007.
- Gévaudan et al. 2003 – *P. Gévaudan, P. Koch, A. Neu*. Hundert Jahre nach Zauner: Die romanischen Namen der Körperteile im DECOLAR // *Romanische Forschungen*. 2003. Bd. 115. № 1.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 1994 – *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam, 1994.
- Greenberg 1957 – *J.H. Greenberg*. The nature and uses of linguistic typologies // *International journal of American linguistics*. 1957. V. 23. № 2.
- Haser 2003 – *V. Haser*. Metaphor in semantic change // A. Barcelona (ed.). Metaphor and metonymy at the crossroads. A cognitive perspective. Berlin; New York, 2003.
- Havlová 1965 – *E. Havlová*. O potřebě slovníku semantických změn // *Jazykovědné actuality*. 1965. № 4.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic map and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). The new psychology of language. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Heine, Kuteva 2002 – *B. Heine, T. Kuteva*. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Hénault-Sakhno, Sakhno 2001 – *Ch. Hénault-Sakhno, S. Sakhno*. Typologie des langues et sémantique diachronique: le problème des universaux // *LINX* (Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre La Défense). 2001. V. 45.
- Hénault-Sakhno, Sakhno 2005 – *Ch. Hénault-Sakhno, S. Sakhno*. Typologie sémantique lexicale: problèmes de systématisation // C. Moyse-Faurie, G. Lazard (eds). Typologie linguistique. Villeneuve d'Ascq, 2005.
- Koch 2001 – *P. Koch*. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language typology and language universals: An international handbook. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Koch 2004 – *P. Koch*. Diachronic onomasiology and semantic reconstruction // W. Mihatsch, R. Steinberg (eds.). Lexical data and universals of semantic change. Tübingen, 2004.
- Koch 2008 – *P. Koch*. Cognitive onomasiology and lexical change. Around the eye // M. Vanhove (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

- Koch, Marzo 2007 – *P. Koch, D. Marzo*. A two-dimensional approach to the study of motivation in lexical typology and its first application to French high-frequency vocabulary // *Studies in language*. V. 31. № 2.
- Koptjevskaja-Tamm 2008 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Approaching lexical typology // *M. Vanhove* (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
- Koptjevskaja-Tamm 2012 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. New directions in lexical typology // *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove* (eds.). New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue. 2012. V. 50. № 3.
- Lehmann 1990 – *C. Lehmann*. Towards lexical typology // *W. Croft, K. Denning, S. Kemmer* (eds.). Studies in typology and diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday. Amsterdam, 1990.
- Leemans 2005 – *M. Leemans*. De la sémantique lexicale à la typologie sémantique. Dossier présenté dans le cadre de l'habilitation à diriger des recherches. Lille, 2005. http://perso.univ-lille3.fr/~mleemans/docspdf/HDR_MLeemans.PDF.
- Lehrer 1992 – *A. Lehrer*. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and perspectives // *M. Putz* (ed.). Thirty years of linguistic evolution. Studies in honor of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday. Amsterdam, 1992.
- Marzo 2009 – *D. Marzo*. Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Theorie und Empirie am Beispiel von Metonymie und Metapher im Französischen und Italienischen. Tübingen, 2009.
- Mel'čuk 2007 – *I. Mel'čuk*. Lexical functions // *H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick* (eds.). Phraseologie / Phraseology. Berlin, 2007.
- Nerlich, Clarke 2004 – *B. Nerlich, D. Clarke*. Polysemy and flexibility: introduction and overview // *Z. Todd, V. Herman, D.D. Clarke* (eds.). Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language. (Trends in linguistics: Studies and monographs, 142.) Berlin; New York, 2004.
- Pottier 1999 – *B. Pottier*. Pour une typologie sémantique // *Typologie des langues, universaux linguistiques. LINX* (Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre La Défense). 1999. V. 11.
- Sakhno 1998 – *S. Sakhno*. La mémoire des mots: surprises du vocabulaire russe (Problèmes de sémantique historique comparée) // *Slovo*. 1998. V. 20–21.
- Sakhno 1999 – *S. Sakhno*. Typologie des parallèles lexicaux russes-français dans une perspective sémantico-historique // *Slovo*. 1999. V. 22–23.
- Sakhno 2001 – *S. Sakhno*. Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée. Correspondances lexicales historiques. Paris, 2001.
- Schröpfer 1956 – *J. Schröpfer*. Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? // *Proceedings of the seventh International congress of linguists* (London 1952). London, 1956.
- Schröpfer 1979 – *J. Schröpfer*. Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Bd. I. Heidelberg, 1979.
- Sweetser 1990 – *E. Sweetser*. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. (Cambridge studies in linguistics 54.) Cambridge, 1990.
- Talmy 2007 – *L. Talmy*. Lexical typologies // *T. Shopen* (ed.). Language typology and syntactic description. V. 3: Grammatical categories and the lexicon. 2nd ed. Cambridge, 2007.
- Tamm, Rakhilina 2006 – *M. Tamm, E. Rakhilina*. «Some like it hot»: on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // *G. Giannouloupoulou, T. Leuschner* (eds.). Lexicon in a typological and contrastive perspective // *STUF* (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue. 2006. V. 59. № 2.
- Taylor 2004 – *J. Taylor*. Cognitive models of polysemy // *Z. Todd, V. Herman, D.D. Clarke* (eds.). Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language. (Trends in linguistics: Studies and monographs, 142.) Berlin; New York, 2004.
- Traugott, Dasher 2002 – *E. Traugott, R. Dasher*. Regularities in semantic change. Cambridge, 2002.
- Vanhove 2008 – *M. Vanhove* (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
- Wierzbicka 1996 – *A. Wierzbicka*. Semantics: Primes and universals. Oxford, 1996.
- Wilkins 1996 – *D. Wilkins*. Natural tendencies of semantic change and the search for cognates // *M. Durie, M. Ross* (eds.). The comparative method reviewed. Regularity and irregularity in language change. New York; Oxford, 1996.
- Zalizniak 2008 – *Anna A. Zalizniak*. A catalogue of semantic shifts: Towards a typology of semantic derivation // *M. Vanhove* (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

- Zalizniak 2012 – *Anna A. Zalizniak*. On the lexicographic interpretation of the meaning of a verb in its bound use // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука*. М., 2012.
- Zalizniak et al. 2012 – *Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo*. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.). New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue*. 2012. V. 50. № 3.

Сведения об авторе:

Анна Андреевна Зализняк
Институт языкознания РАН
anna.zalizaniak@googlemail.com
Статья поступила в редакцию 27.09.2012